

разнообразии интонаций, напевность, мелодичность, что-то близкое к музыкальному, а не привычному силовому ударению, придают ей необычность и особую привлекательность.

Зап. в августе 1969 г. в д. Чуркина Гора Б. П. Кербелите, Ю. А. Новиков. — АКНЦ 23/516.

333. ФОФАНОВ ИВАН ТЕРЕНТЬЕВИЧ, 1869 г.р., д. Климова Авдеевского с/сельсовета, Пудожского района.

Фофанов Иван Терентьевич

«Жизнь моя была така беспокойная. Отец жил у меня 80 годов. Сперва ён крестьяновал. Карактером был не очень важный. Строжил нас да вино попивал. Мать была другая¹ — так и худá. С отцом, как с чертом, дрались не дрались, но выходили нелепости. При старом праве ведь отец что задумал, то и вышло. Я шататься и пошел...

Как я запомнил его, ён женился на второй, пошли други дити. В кончи-коньчов я вырос порядочно, женился, отделился. Под последу ён, отец-то мой, с корзинкой ходил². Меня ён откинул и тупчику³ не дал, лошадь продал, корову прожил, сам и пошел с корзинкой. Дом мне отец не дал. Я так лет 40 жил, не имел шубы на себе, на плечах, ходил, грузил суда в Шалы, пилил дрова, по сениям плотничал, пилил тесовой пилой. Жизнь вот как была... Лет 10 по лисям⁴ путался — полесовался. Раз пришли к мерлогу⁵. Собаки залаяли. Я был с товарищем. Звирь выскочел, рот разинул, едва нас не съил. Мы оружием выпустили, хоть собаки были хорошие, пали на зверя, спасли нас.

Потом жил у озера, заправил снасти, ловил рыбу. Рыбка попадалась маленька така, хорошенька. Мер по 50 вылавливал. Поработал у крестьян, у богачков, у справных. Косил с бабкой, дитей рóстил. Прископилось дитей пятеро, потом двое померло. В домике жил худом. Сперва пас лет 12 коней, в лисях стоял. Был в кониных пастухах.

Случился раз такой. Кóней согнал на лядину. А в лису мне была избушка; я в ней жировал⁶, спасался. Так по утру выпустил я коней. Ушли ёны на лядину. Кони ведь не коровы. Я пошел след за ими, потрубел им, придумалось мне на лапти береста драть. Кони идут под горку, я на горке.

Смотрю я на конях моих в стаде три звиря сидят, дерут. Один тихой, этот ни шуму, ни грему, и кони не пугаются. А конь под им стоит стоем еще. Это медведя были большие. Я разился к коню: „Коня съедите, так и меня съешьте“. С топором пошел. Один ушел, а другой коня не спускает с лап. Я топором хотел тукнуть, а ён

¹ Мачеха. — Чистов.

² По миру. — Чистов.

³ Тупой топор. — Чистов.

⁴ По лесу. — Чистов.

⁵ К берлогу. — Чистов.

⁶ Жил. — Чистов.

с коня свернулся, коня спустил, и на меня. Я отскочел. Звирь опять хотел на коня. Я на звиря. Ну, он тогда в лес и утёк. Вот тебе оказия какая была...

Потом дити подросли, так я стал пахать порно. Пожалуй, на год стал напахивать. Заправил лошадь хорошую, две коровы. Потом я, знаешь ты, и дом выстроил, хоть и этак и некультурный, но по-деревенски важный. Переписали меня середняком из бедняков. Сыновья — один счетоводом был четыре года, теперь командир в Красной Армии. Другой теперь тракторист. Да... Сынов обучал я плохо. Ёны сперва ходили грамоты учились, но ходить ведь не в чем было. Один проходил года полтора, а второй с два. Но были не баловные, учились хорошо. Еще сейчас повинуются, слушаются. Записались в колхоз. Не сразу пошли (после двух лет). Старший сын говорит: пусть... посмотрим, как живут, а потом смотрим — ничего, важно.

Сторожом был 5 месяцев в МТС. Сторожил шестерни. Керосин был игроин, да горючее. Вот это место и охранял.

В Петрозаводском был полдесяток раз. Не видли при старом режиме ничего интересного. При совещькой власти второй раз. Так вижу и все не так. Вот в театре был, так такое и во снах никогда не приснилось бы. Много и понастроили нового. Вот что нунь в городе происходит в Петрозаводском.

Ну всё, больше нечего мне рассказывать. Всего попутал, только теперь жить можно стало. Теперь можно и совещьку власть поблагодарить. Вот вся моя жизнь».

Зап. в июле 1938 г. в д. Климова К. В. Чистов. — АКНЦ 14/4; 122/65. Л. 540—543 (м/н копии); опубл.: Парилова, Соймонов. С. 186—187; Чистов. 1980. С. 234—236. (См. Фофанова Е. И. — № 335, Ремизов Н. А. — № 249д).

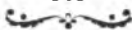
333а. Письмо Фофанова Ивана Терентьевича в Карельский НИИК:

«Дорогие уважаемые товарищи, при буржуазной власти было много трудностей. Работал все больше у кулаков, да во время лета нанимался пасти лошадей. Пас я лошадей 12 лет. Грузил суда <...> дровами, тесом у купцов в Шале, это место находится верст 30 от дома, а хозяйство было ничтожное. Можно сказать, что ничего дома не было. На этом я пропитывал семейство и содержал детей. Много приходило трудностей, но все-таки вырослил детей. Зарплата была очень маленькая. Помощи не откуда не было. Дети теперь выросли, стали большие. Младший сын в Красной Армии учится в военной школе. Я рад, что мой сын учится и пробивает себе дорогу. Старший сын работает на лесозаготовки у финской границы. Дочь работает на Шале на Бочилховской базе. При советской власти стало лучше жить, спасибо дорогому товарищу Сталину за то, что он дал свободу народу и уничтожил эксплуатацию человека человеком. Извиняюсь, что я неграмотный, или бы был грамотный, то написал бы больше. Если что не ладно, то извините, я сам неграмотный. Благодарю, уважаемые товарищи, что вы меня не забыли. От этого письма остаюсь жив, здоров и того Вам желаю. С приветом к вам ваш сказитель И. Т. Фофанов. 26/1—39 г.

В анкете есть пункт: „Где работаете?“, но я не знаю, как ответить на этот пункт, работы много, но приурочить нет (?), а главное, что работаю дома для хозяйства, заготавливаю дрова, сено, живем дома вдвоем со старушкой, а иногда выхожу на работу в колхоз, когда могу».

АКНЦ 122/65. Л. 544 (м/н копия).

333б. Фофанов Иван Терентьевич, неграмотный, женат, трое детей, живет: Пудожский район, Авдеевский сельсовет, д. Климова. Читает газеты, книги. Знает: сказок 1, песен 5, пословиц не знает, былин 12. Рассказывает сказки, составляет новые

советские былины. «Но, к сожалению, что я неграмотный, если бы был грамотный, то я бы сочинял новые советские былины. Дорогие товарищи, на ваш вызов, как вы зовете, то я приеду, только на проезд денег нету, а приехать я очень рад». За неграмотного. — Терехов.

АКНЦ 122/65. Л. 545 (м/п копия).

333в. Фофанов Иван Терентьевич, 69 лет, д. Климова, Авдеевского сельсовета. Единоличник. Сторож МТС. На содержании сына-красноармейца. «Старины понял от старика одного. У нас был такой, корзины, сети ли вязал, не помню. Я отцом был приучен мерёжи вязать, дак я к нему на бесёду ходил. Сперва наслушано было, потом напевано». (См. № 335в).

Зап. в 1938 г. в д. Климова К. В. Чистов. — АКНЦ 14/1.

333г. <Из отчёта В. Р. Дмитриченко о поездке в июле-августе 1938 г.>: «Былины „Про Добрыню“, „Про Клима Ворошилова“ записал от Фофанова Ивана Терентьевича — Авдеевский сельсовет, д. Климова. Иван Терентьевич может сочинять былины на темы о наших вождях и событиях наших дней, но ему нужна помощь — нужен человек, который бы толково рассказал ему о том, что он хочет претворить в былинку».

АКНЦ Ф.1. Оп. 39/2. Л. 91 (автограф), л. 80, 84 (м/п копии).

333д. <Письмо Ивана Терентьевича Фофанова в КНИИК>: «Привет от Ивана Терентьевича и его жены Натальи Тимофеевны тов. сотруднику фольклорной группы Дьячкову (-ой ?), всем сотрудникам фольклорной группы вкупе. Теперь спешим сообщить, что живу хорошо. Большая благодарность вам за то, что выписали газеты, газеты мы получаем и читаем. На беседу ко мне ходят, читают, и я слушаю. Теперь пишем былинку „Красны храбрые герои по поднебесью летят“».

АКНЦ 14/21.

333е. <Из письма КНИИК Ивану Терентьевичу Фофанову>: «Иван Терентьевич! Посылаем вам список былин, которые от вас записаны. Мы скоро их напечатаем в книге, но для этого нам необходимо знать, от кого вы их слышали, кто их кроме вас пел или сказывал раньше».

Постарайтесь вспомнить и отвечайте нам не задерживая. Напишите ответ о каждой былине в отдельности по прилагаемому списку <...> Прямо внизу под каждой былинкой подпишите от кого слышали, где, когда.

Присылайте нам это письмо с ответами <...> тов. Соймонову. А мы вам, когда будут печататься ваши былины, пошлем денег. Ответ нам пишите подробный. С приветом — подпись. 20/II—40 г.»

АКНЦ 116/3. Л. 15—16.

333ж. <Ответ И. Т. Фофанова на письмо КНИИК от 20/II—40 г.>: «Уважаемые мои товарищи! Я пишу вам не под каждой былинкой, как вы велели, а просто на отдельном листку. Потому что я был молод и всех не запомнил. А большинство я слышал от Бураковского старичка, звать не знаю как; а по прозвищу „Утка“. Он был в нашей деревни, что-то делал, а я к нему ходил на беседу и эти былины понял, но не совсем, может быть, и изменены содержания».

Еще я слышал былины от Терентия Гурьевича Блохина. Он жил в Мелентьевской. Я слышал от него тоже несколько былин. Он жил у нас и пел, а я прислушивался.

Извиняюсь, что я был молод и что не запомнил или изменил, потому что я человек неграмотный, а тому времени прошло лет 50 или больше.

Мы вас благодарим, что вы еще не забыли нас и написали письмо. Пока до свидания. С приветом к вам всем вместе известный И. Т. Фофанов. Привет от Никиты Антоновича всем товарищам вкупе.

Если былины некоторые ндравятся, то пропустите, а если какие плохие, то захирите. С приветом И. Т. Фофанов. Извините, что не складно, потому что сам неграмотный, а писали чужие. 28/II—40 года».

АКНЦ 116/3. Л. 14. (См. также Иванов С. — № 886).

333з. <Из рассказов дочери И. Т. Фофанова — Ефимии (Офимьи) Ивановны Фофановой об отце и деде>: «Он все на ухо наматывал, в башку забивал. Что слышит, то запомнит <...> Шутить были беговые мой отец да Никита Антонович. Про них, бывало, говорили: „Из Авдеевского села приехали два мана“».

Отец, по её словам, многое перенял от соседнего «старицка» <см. — А. 21/108>. Или: «Когда девочкой была, он <отец> всегда рассказывал. Он старенькой, его водили. Как на беседу соберутся, так он рассказывал. Раньше пряли, все ходили с прялищами. Я мало его слышала. Детей у него много было, а осталось трое, два брата да я. Плохо жили, все по чужой работы ходили» <см. — А. 83/52>. Или: «Он зайдет на печи да там складывает, про себя бормочет. А потом соседи придут, им рассказывать» <см. — А. 144/145. С. 13>.

Офимья Ивановна в детстве мало слышала от отца. Воспитанием детей занимался, главным образом, слепой дед, который знал много стихов и сказок, но старин не знал. «Дедке у меня как в Заонежье съездит, дак там его любили, он придет да нам рассказывает» <см. — А. 144/145. С. 13>. <См. также Т. Н. Анухина — № 166, и О. И. Фофанова. — № 335, 335а>.

333и. Фофанов Иван Терентьевич родился в 1871 г. В семье у них была тяжелая обстановка, детей не посылали учиться, и он остался неграмотным. Примерно до 1910—1911 гг. работал на стороне в батраках у кулаков, был пастухом и лишь к этому времени обзавелся самостоятельным хозяйством. Занимался охотой, рыбной ловлей, но на жизнь не хватало, и он продолжал ходить на заработки в Шалу.

Дальше Петрозаводска нигде не бывал. <...> Жизнь этого сказителя, подобно сотням и тысячам жизней таких же, как и он крестьян, до революции была тяжелой. Фофанов типичный представитель северного крестьянства. Это видно из его биографии, очень своеобразно, колоритно рассказанной им. До революции — нужда, горе, бесперспективность. После революции сначала делается середняком, а в период коллективизации, убевившись, что в колхозе живут «ничего, важно», т. е. рассудив чисто по-крестьянски, уже крепким середняком идет в колхоз. <...>

Ряд былин Фофанов перенял от известного сказителя Н. Прохорова, усваивал также и от других. <...> Когда мы попытались установить, от кого какую былин он слышал, то это ни к чему не привело. Более точных сведений Фофанов не мог дать. Сказитель в очень редких случаях отстывает от данной редакции. Свои былины все без исключения он поет. Впервые запись нескольких былин со сказа, а не с голоса, была проведена в январе 1938 г. Затем с лета 1938 г. работа по записи былин была поручена К. В. Чистову, который выезжал к Фофанову дважды в июле-августе 1938 г. и в июле 1939 г. Записал все его былины с голоса. Повторная запись некоторых текстов не дает существенных отличий, но представляет собою более полный вариант.

В 1939 г. в мае-июне Фофанов был на конференции сказителей в Петрозаводске, исполнял свои былины, принимал активное участие в работе конференции. Как и другие сказители КФССР, он получает газеты <...> через письма и поездки поддерживает постоянную связь с Институтом.

Парилова, Соймонов. С. 473 (из примечаний).

333к. <Из статьи Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова «Сказители Пудожского края»>: «В лице <...> сказителя Ивана Терентьевича Фофанова, мы встречаем прекрасного мастера и знатока героического жанра. У него находим такие редкие былины, как „Сухман“, „Наезд литовцев“. <...> Для Фофанова характерно отсутствие интереса к сюжетам, имеющим новеллистический характер или включающим сказочные мотивы. <...> В представлениях Фофанова „старина“ — это рассказ о героических подвигах богатырей; сказочные элементы ставят как бы под сомнение все остальное, и он проводит резкую грань между „стариной“ и сказкой. Если допускаются элементы сказочной фантастики в единоборстве богатырей со змеями <...>, то лишь потому, что этим подчеркивается могущество богатырей. Эти люди, обладающие страшной силой, им подстать бороться с чудовищами. „Так старики певали“, — скажет об этом Фофанов, ссылаясь на традицию. <...>

В отношении усвоения материалов Фофанов ближе всего подходит к типу сказителей, которых А. М. Астахова характеризует как певцов исполнителей. „Это сказители, перенявшие тексты совершенно или почти точно и в таком же виде их передающие. Здесь сказывается, с одной стороны, общее хранителям эпической старины стремление петь так, как „старики певали“, с другой стороны — исключительная сила памяти, позволяющая удержать в сохранности не только композицию былины в общих её очертаниях, не только запомнить точный порядок всех эпизодов, но почти дословно усвоить и самое словесное оформление большинства эпизодов, а иногда и всей былины в целом“¹. Фофанов тоже стремится сохранить, если не дословно, то почти дословно известный ему текст. Многие его былины <...> восходят к совершенно определенной редакции. Но он более самостоятелен, чем знаменитый сказитель Т. Г. Рябинин, воспроизводивший дословно текст отца. Фофанов позволяет себе вносить некоторые изменения в усвоенный им текст <...>.

Как сказитель Фофанов очень популярен. <...>. Знаменитый сказитель <Прохоров — см. № 243д> сумел привить своему ученику любовь к былинам, а вместе с этим и определенные художественные вкусы — предпочтение героической былины перед былинной-новеллой, манеру петь, сопровождая текст своими замечаниями. Эта черта Прохорова, подмеченная Гильфердингом, проявляется у Фофанова постоянно. И, наконец, ему Фофанов обязан убежденностью, глубокой верой в подлинность, реальность событий, о которых рассказывается в старинах» <...>.

Парилова, Соймонов. С. 27–31. (См. также Новиков, С. 242–251).

333л. <Из книги К. В. Чистова «Русские сказители Карелии»>: «Книги Иван Терентьевич почти не знал. Батрачивший смолоду, он остался неграмотным. Он с удовольствием слушал чтение, но случалось это редко — если только кто-нибудь из школьников почитает. Радио или тем более телевидения в деревнях еще не было. Но это не значит, что умственная жизнь Ивана Терентьевича была вялой и неинтересной.

¹ Астахова А. М. Былины Севера. Т. I. 1938. С. 71. — Парилова, Соймонов.

Он прекрасно владел традиционной устной культурой — знал большое количество былин. И не только былины, но и песен, сказок, преданий, деревенских устных рассказов. Он непрерывно о чем-то очень сосредоточенно размышлял. Однако высказывал он свои мысли, накопившиеся за долгие годы, редко, только к случаю или в минуты особой откровенности и обычно очень лапидарно <...>.

<...> Он <Иван Терентьевич> считал невозможным петь плохо. Он не позволял себе, даже если его очень просили, спеть отрывок из полузабытой былины или тем более „словесно“ пересказать содержание былины. Былину надо петь или не петь. Все время, пока я жил у него, он напряженно работал. <...>

В один из вечеров в Климовой, когда Иван Терентьевич отправился в ночное дежурство, я вышел посидеть у озера. Возвращаясь, встретил соседа <...> И тут он мне рассказал, что Иван Терентьевич все ночи напролет поет былины, но очень сердится, когда ему об этом говорят или приходят слушать. Гонит всех. Я тут же тайком отправился к нефтебазе и, убедившись в том, что Иван Терентьевич действительно поет, уселся в укромном месте. Он пел мою завтрашнюю былинку <...>.

Жена Ивана Терентьевича рассказывала, что до моего приезда подобные репетиции происходили не только во время дежурства, но при случае и дома, днем. Может быть, они продолжались и в лесу или на рыбалке. Смолodu — не решаясь петь на людях — он любил распевать в лесу или на озере, когда никто не видит и не слышит. Судя по всему, он испытывал наслаждение от этого пения для самого себя, но это не единственная причина, заставлявшая петь наедине. Другая и, может быть, важнее — восприятие эпоса как чрезвычайной ценности, а пения былин как дела весьма ответственного. Меньше всего он хотел или позволял себе „баловаться“ былинами, забавляться ими, развлекать своих слушателей <...>.

В отличие от своего родственника и друга <Ремизова. Н. А. — см. № 249г и 249д> Иван Терентьевич не позволял себе превращать пение былин в развлечение, в спектакль. Он ценил знание былин Ремизова, но к его манере исполнения относился с неодобрением <...>. Сам же Иван Терентьевич считал, что каждое исполнение былины — это событие. Поэтому не нужно никаких украшений, побрякушек, завитушек, ухищрений. Они и без того достаточно хороши и значительны. <...>

И. Т. Фофанов представлялся составителям пудожского сборника „передатчиком“, т. е. сказителем-исполнителем, не проявляющим активной личной инициативы <...>. Личный вклад понимался ими как нарушение традиции или обновление её <...>. В этом смысле в былинах И. Т. Фофанова действительно трудно найти что-либо существенное. Они очень традиционны. Сказительская деятельность Фофанова была не ломкой традиции, не нарушением её, а её продолжением, развитием, полноценным воплощением. Он был одним из представителей последнего поколения исполнителей русского былинного эпоса, однако его не затронул процесс вырождения традиции, её разложения. В этом заключалась главная особенность И. Т. Фофанова и в этом его величайшая личная заслуга. <...> В этом, видимо, и состоит историческое значение И. Т. Фофанова и его подлинная роль в последнем поколении исполнителей русских былин.

<...> В 1939 году он <Иван Терентьевич> приезжал в Ленинград по приглашению М. К. Азадовского для пения былин студентам, слушавшим курс русского фольклора. <...> Он пел за эти дни много раз — в университете для студентов и преподавателей, во Дворце пионеров, в Доме писателей, дома у Марка Константиновича Азадовского, дома у меня, в школах, в Институте русской литературы АН СССР. <...> Я должен был напоминать, где ему предстоит выступать и когда.

Это каждый раз возбуждало встречные вопросы с его стороны: кто будет его слушать? сколько человек? как долго он должен петь? будет ли еще кто-нибудь петь или говорить? и т. п. Это было ему очень важно и, что самое интересное, он проявил при этом неожиданную гибкость. Он готов был петь и дольше и короче, только ему надо было знать об этом заранее. В одном он был непоколебим — в требовании цельности. Он терпеть не мог, когда его останавливали посередине пения. Он считал, что так можно делать только, если его исполнение совершенно не понравилось. <...>

Интересны были для меня и прогулки с Иваном Терентьевичем по Ленинграду. <...> Его поражало многое: огромные дома, Петропавловская крепость, городское многолюдие и движение, масштабы города, Нева, морские суда на ней. Мы бродили по улицам, сидели на набережных и в садах, залезли на купол Исаакиевского собора, побывали в зоологическом парке.

Восхождение на Исаакиевский собор было для него чрезвычайным событием. Так высоко он еще никогда не поднимался. Слегка кружилась голова <...> Когда мы спустились вниз, он вдруг сказал: „Побывали мы с тобой живыми на небесах, как Илья Огненный, а потом опять по земле идем. Как во снах, как во снах!“».

Чистов, 1980. С. 216, 220, 222, 224, 228, 229, 231, 248, 250.

333м. <Из дневниковых записей собирателя Н. А. Бутинова в июле 1940 г. в д. Климова Авдеевского сельсовета о Фофанове И. Т.>: «Приехал ко мне сын, от Песчаного пришел пешком, а жена в Песчаном осталась. Я взял у председателя колхоза лошадь, съездил в Песчаное достал жену. Сын дал денег: „На, отдай председателю за лошадь“. Председатель говорит: „Нет, денег я не возьму. Вот ты лучше сходи на поле, сено пограбь, а сын пусть стоги помечет“».

Очень характерный факт — здесь очень нужны работники.

АКНЦ 8/304. С. 84. (См. также Ремизов Н. А. — № 249е).

333н. <Письмо Фофанову Ивану Терентьевичу>: «Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10/1—1944 года, говорилось в письме, Вашему сыну старшему лейтенанту Фофанову Алексею Ивановичу присвоено высокое правительственное звание — Героя Советского Союза, которое он честно заслужил своими боевыми делами в борьбе с ненавистными врагами нашей Родины — немецко-фашистскими захватчиками.

Командование бригады благодарит Вас, Иван Терентьевич, за то, что Вы воспитали такого героя-сына, который своими умелыми боевыми действиями умножает боевую славу бригады и приближает час желанной победы над заклятыми врагами, немцами.

Примите, Иван Терентьевич, боевой краснофлотский привет и самые лучшие пожелания в Вашей жизни.

Мы надеемся, что Вы своей патриотической работой в тылу будете достойны своего героя-сына — Алексея Ивановича.

Командир 91 краснознаменной отдельной танковой бригады, Герой Советского Союза — полковник (Якубовский).

Начальник Политотдела 91 краснознаменной флотской отдельной танковой бригады — полковник (Болахнин).

15 января 1944 г. Действующая Армия».

Письмо не застало в живых Ивана Терентьевича — он умер 10 августа 1943 года (В. Г. Базанов. 1945 год).

АКНЦ 16/57. Л. 93. (См. также Фофанова Е. И. и Фофанова Н. Т. — № 335 и 336).

